

Лу Цинъянь стоял вдалеке, время от времени поглядывая на Шэнь Юня. Поначалу всё шло как обычно, и он, успокоившись, сосредоточился на еде. Однако, подняв голову в очередной раз, он с удивлением заметил, что кто-то подошёл к его двоюродному брату. Этим человеком оказался главный судья Третьего района.

Это было серьёзно.

Лу Цинъянь немного разбирался в ситуации между Двумя секторами и Двором. Фу Чжэнтин, будучи главным судьёй Центрального Двора, слишком далеко зашёл в своих амбициях. Шэнь Цинши, конечно же, не мог остаться в стороне, и между ними назревало противостояние.

Его двоюродный брат был сыном Шэнь Цинши, а значит, сейчас он оказался в сложной ситуации.

Нужно было срочно сообщить Цзэ-ге о происходящем.

Он отложил еду и направился туда, чтобы помочь.

Шэнь Юнь не ожидал, что судья будет так настойчив. Сцена была готова, и теперь вопрос заключался в том, как благополучно с неё сойти.

Он поднял взгляд и спросил:

— О чём вы хотите поговорить?

Его красивые глаза светились ярким блеском, в них читалась некоторая надменность.

Фу Чжэнтин осознал, что ошибся.

Этот омега обладал характером, не боялся власти и имел твёрдую волю. Если бы такого человека удалось привлечь на свою сторону, это стало бы настоящим подарком судьбы.

Он прямо заявил:

— Давай поговорим о твоих мечтах. Я могу помочь тебе их осуществить.

Он не хвастался. Власть, деньги или что-то ещё — всё это он мог предложить Шэнь Юню.

Вокруг скрытые взгляды наблюдали за этим углом, многие смотрели с завистью.

Шэнь Юнь не понимал, откуда у собеседника такая уверенность, и это казалось ему забавным.

Его тон был слегка насмешлив:

— Возможно, вы читали «О воспитании и искусстве омег»? Вот моё стремление. Если вы сможете помочь мне в этом, я буду очень благодарен.

«О воспитании и искусстве омег»?

Что это за чушь?

Не только окружающие, но и сам Лу Цинъянь опешил.

Если бы не серьёзное выражение лица Шэнь Юня, Фу Чжэнтин точно решил бы, что его

разыгрывают.

Слегка сжав губы, он достал из кармана визитку с чёрно-золотым дизайном:

— Хотя я не совсем понял, но, думаю, это не так сложно. Мой коммуникатор всегда открыт для тебя. Жду, когда ты передумаешь.

Чтобы успокоить учителя и побыстрее избавиться от Фу Чжэнтина, Шэнь Юнь взял визитку, мельком взглянул на неё и спокойно ответил:

— Хорошо, ждите.

Фу Чжэнтин был уверен, что сможет заставить Шэнь Юня передумать.

Молодой омега, не имеющий опыта жизни, не знает, насколько опасен мир. Даже если он талантлив и обладает внушительной харизмой, рано или поздно он поймёт, что значит наткнуться на препятствия и быть загнанным в угол.

Он улыбнулся и с хорошим настроением произнёс:

— Я уверен, что это произойдёт совсем скоро.

Неспешно поправив воротник, он снова взглянул на ту омегу, которая встала на защиту Шэнь Юня, а затем отвел взгляд.

— Тогда до свидания, Шэнь Юнь.

Лу Цинъянь: [Всё в порядке, Цзэ-ге, главный судья Третьего района ушёл.]

Кризис миновал. Лу Цинъянь вернулся на своё место, но обнаружил, что его тарелка уже была убрана как мусор.

Вот это наказание.

Кто ещё может быть несчастнее него?

[Хорошо.]

Лу Цзэ одной рукой повернул руль, остановив машину у обочины.

В уютной комнате блюда уже были поданы, вино налито. Как раз когда начался обед, он получил известие о том, что Шэнь Юня донимает Фу Чжэнтин.

Когда один из гостей встал, чтобы предложить тост, он отодвинул бокал, сказав, что у него срочное дело, и покинул зал.

Под удивлёнными взглядами он объяснил Шэнь Цинши причину и оставил всех позади.

Фу Чжэнтин был на пике славы, и кто знает, как он мог поступить с Шэнь Юнем.

Лу Цинъянь сообщил, что всё в порядке, и только тогда сердце Лу Цзэ успокоилось.

Лу Цинъянь: [Фу Чжэнтин обратился к моему двоюродному брату из-за его таланта.]

[Он хвастался, что может удовлетворить любое желание брата. Это просто смешно. Всё, что он

может предложить, Семья Лу тоже может. А то, что он не может, Семья Лу всё равно предоставит. Какая самонадеянность.]

[Брат держался с достоинством, не уступая ему, и полностью игнорировал Фу Чжэнтина, отказав ему чётко и решительно.]

[Фу Чжэнтин, вероятно, боялся потерять лицо, поэтому вручил свою визитку, буквально всучив её моему брату. Судя по его тону, он, возможно, продолжит преследовать его. Цзэ-ге, будь начеку.]

Лу Цзэ дочитал последние строки, его лицо оставалось бесстрастным.

[Понял.]

Лу Цинъянь: [Ах да, ещё кое-что.]

С той стороны долго не было ответа, а затем пришло сообщение, которое сбило с толку.

Лу Цинъянь: [Ты слышал о «О воспитании и искусстве омег»?]

Что это за вещь?

Лу Цзэ подумал, что Лу Цинъянь снова шутит, и не стал отвечать, просто отправив вопросительный знак.

Лу Цинъянь тоже считал это странным, но вдруг это важно? Если он упустит возможность предоставить Цзэ-ге ключевую информацию, его совесть будет мучить.

[Вот как было: после того как Фу Чжэнтин сказал брату, что может исполнить любое его желание, брат ответил, что его стремление — это воспитание и искусство, и если Фу Чжэнтин сможет помочь ему в этом, он будет очень благодарен.]

[Так это правда?]

Лу Цзэ задумался.

Шэнь Юнь никогда не упоминал о своих мечтах в его присутствии.

Он снова внимательно прочитал название.

На первый взгляд, это связано с воспитанием и искусством омег.

Если вдуматься, содержание также связано с воспитанием и искусством омег.

Как это может быть связано с мечтами?

Он справедливо предположил, что Шэнь Юнь просто придумал это, чтобы сбить с толку Фу Чжэнтина.

Такое поведение вполне соответствовало его характеру.

Он тихо засмеялся и нажал кнопку.

[Неправда.]

Неправда? Лу Цинъянь задумался над этими словами.

Ладно, неважно. Главное — поесть.

После ухода Фу Чжэнтин Лян Пэй наконец расслабила сжатые челюсти, но ненависть в её сердце не уменьшилась, а, наоборот, разгоралась с новой силой.

Хотя карьера её противника шла в гору, всего за год он уже начал показывать свои истинные намерения. Неужели он думает, что все, кто знают правду, исчезли?

— Учитель?

Рассеянный вид Лян Пэй вызвал беспокойство у её учеников.

Лян Пэй вздохнула. После этого случая Шэнь Юнь, несомненно, попал в поле зрения Фу Чжэнтин. Возможно, это была судьба: Фу Чжэнтин случайно оказался на собрании, а Шэнь Юнь стал центром внимания.

Она колебалась, хотела ли она, чтобы Шэнь Юнь покинул собрание, но это было нереально.

Она не ожидала, что столкнётся с Фу Чжэнтином так внезапно.

Теперь оставалось только перейти от обороны к нападению.

— Извините, я плохо себя чувствую.

Услышав это, ученики поспешили выразить свою заботу.

Она успокоила их:

— Ничего серьёзного, просто посижу в помещении немного, продолжайте.

Шэнь Юнь встретился с её взглядом и понял:

— Учитель, я пойду с вами.

В одном из коридоров усадьбы, укрытом тенью деревьев, было тихо и уединённо.

Шэнь Юнь шёл за Лян Пэй, размышляя.

Судя по внезапному изменению поведения учителя и тому, что Фу Чжэнтин обратился к нему, между этими событиями была связь.

Но это странно, не так ли? Учитель заранее знал результат.

Ещё страннее было то, что Фу Чжэнтин не знал учителя, иначе он не спросил бы: «Кто ты?»

Фу Чжэнтин заявил, что восхищается его талантом, и в этом было семь правды, а остальные три скрывали секрет Лян Пэй.

Секрет, который она скрывала.

— Мне жаль, что моя личная вражда с Фу Чжэнтином затронула тебя.

Лян Пэй не обернулась, глядя вдаль.

Шэнь Юнь покачал головой. Он был сыном Шэнь Цинши, и между ним и Фу Чжэнтином уже существовали разногласия.

Он спокойно сказал:

— Личная вражда?

Лян Пэй, словно вспоминая прошлое, с дрожью в голосе ответила:

— Да.

— Моего брата звали Лян Линь. Раньше мы жили в разных местах, он работал на Фу Чжэнтину в городе Фэн. Со временем он влюбился в него, но, к несчастью, у Фу Чжэнтину уже был любимый человек, и мой брат был вынужден скрывать свои чувства.

— А что случилось потом? — спросил Шэнь Юнь, следуя её рассказу.

— Потом... — лицо Лян Пэй изменилось.

В тот день всё шло не так. Утром она забыла ключи, завтрак упал на землю по пути, а мастер по ремонту сказал, что не сможет приехать из-за семейных проблем.

Всё это было предзнаменованием.

Резкий звонок лишил её дара речи.

— Сестра... эх... эх. — задыхающийся голос из динамика был невыносим.

— В этом году я, возможно... не смогу приехать к тебе.

— Теперь ты будешь одна ухаживать за могилами родителей... прости... кх-кх... кх-кх-кх.

Мозг отказывался работать, она не могла понять, что он говорил.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16544/1507593>